

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

**ПАУЛЬ-ОТТО
ШМИДТ**

**ПЕРЕВОДЧИК
ГИТЛЕРА**

**СТАТИСТ
НА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ
СЦЕНЕ**

Взлёт и падение Третьего рейха

Пауль-Отто Шмидт

**Переводчик Гитлера. Статист
на дипломатической сцене**

«Алисторус»

1949

УДК 355/359
ББК 63.3

Шмидт П.

Переводчик Гитлера. Статист на дипломатической сцене /
П. Шмидт — «Алисторус», 1949 — (Взлёт и падение Третьего
рейха)

ISBN 978-5-907351-38-7

Эта книга написана человеком, который был лично причастен к ключевым событиям предвоенной и военной истории нацистской Германии, будучи с 1935 года личным переводчиком Гитлера Переговоры в Мюнхене и подписание пакта Молотов-Риббентроп, встречи Гитлера и Муссолини и обстановка в рейхсканцелярии описаны автором максимально достоверно. П. Шмидт сделал попытку оценить всю политику Германии и объективно ответить на вопрос, существовала ли возможность предотвратить самую кровавую и бесчеловечную войну XX столетия. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 355/359
ББК 63.3

ISBN 978-5-907351-38-7

© Шмидт П., 1949
© Алисторус, 1949

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Пауль-Отто Шмидт
Переводчик Гитлера. Статист
на дипломатической сцене

© Шмидт П. 2020

© Шестопап Т.В., пер. с англ., 2020

© ООО «Издательство Родина», 2020

Глава первая 1935 г.

Впервые я переводил для Гитлера 25 марта 1935 года, когда сэр Джон Саймон и г-н Энтони Иден прибыли в Берлин на переговоры по европейскому кризису, вызванному перевооружением Германии. Тогда Саймон был секретарем министерства иностранных дел и лордом-хранителем печати Идена. Присутствовали также Нейрат, министр иностранных дел Германии, и Риббентроп, бывший в то время специальным уполномоченным по вопросам разоружения.

Я удивился, когда получил приказ присутствовать. Правда, я был старшим переводчиком в министерстве иностранных дел Германии и уже поработал практически со всеми канцлерами Германии за десять лет до того, как Гитлер вошел в правительство в январе 1933 года. Но затем ситуация изменилась. Германия отошла от мелких, частных международных дискуссий и стала использовать метод дипломатических нот, меморандумов и публичных заявлений.

Кроме того, Гитлер недолюбливал министерство иностранных дел Германии и всех, связанных с ним. В предыдущих беседах между ним и иностранцами переводом занимались Риббентроп, Бальдур фон Ширах или кто-то еще из национал-социалистов. Наши официальные лица в министерстве иностранных дел пришли в ужас, когда услышали, что Гитлер не позволил присутствовать даже Государственному секретарю фон Бюлову на этих чрезвычайно важных переговорах с Саймоном и Иденом. Пытаясь обеспечить присутствие хотя бы одного представителя министерства иностранных дел, кроме Нейрата, они решили выдвинуть меня как переводчика. Когда Гитлеру сказали, что я долгое время хорошо справлялся с работой в Женеве, он заметил: «Если он был в Женеве, значит, ничего хорошего из себя не представляет, но что касается меня, мы можем взять его на испытательный срок».

Развитие событий, которые привели к этой англо-немецкой встрече, было таким же неожиданным, как и сама конференция. И Англия, и Франция со все возрастающей озабоченностью ждали, как сложится ситуация в Германии. Британское правительство было крайне обеспокоено вооружением Германии, в частности, ростом немецких военно-воздушных сил. «Граница Англии проходит по Рейну», – заявил Болдуин в палате общин в июле 1934 года, а в ноябре он весьма откровенно признал, что перевооружение Германии дает определенные основания для всеобщего беспокойства. Но в то время как Франция, придерживаясь своей официальной политики, старалась защититься от Германии ясной системой пактов по безопасности, британское правительство указывало, что хотело бы прийти к пониманию немецких намерений путем переговоров. Эта идея нашла выражение в совместном англо-французском коммюнике 3 февраля 1935 года: «Великобритания и Франция согласны, что ничто не будет больше способствовать восстановлению доверия и мирных перспектив между нациями, чем общее решение об урегулировании, свободно заключенное между Германией и другими державами».

Германия откликнулась на эту англо-французскую инициативу в середине февраля нотой, в которой говорилось: «Немецкое правительство приветствует дух откровенности, выраженный в заявлениях правительства Его Королевского Величества и французского правительства. Следовательно, оно будет радо, если правительство Его Королевского Величества пожелает предпринять обмен мнениями с немецким правительством». Я был немало удивлен внезапным переходом Гитлера на миролюбивый тон, когда переводил эту ноту на английский язык.

Затем британское правительство с поразительной быстротой и готовностью предложило послать министра иностранных дел в Берлин в начале марта. Но произошло еще одно неожиданное событие: незадолго до визита Саймона британское правительство выпустило «Белую

книгу», официальный правительственный документ для ознакомления палаты общин, чтобы оправдать перед парламентом перевооружение Великобритании. Наше бюро переводов перевело из официального текста: «Германия не только открыто совершает широкомасштабное перевооружение, несмотря на положения части V Версальского договора, но также уведомляет о выходе из Лиги Наций и Конференции по разоружению... Действия правительства Его Королевского Величества не означают, разумеется, прощения нарушения Версальского договора». Далее в «Белой книге» говорилось, что если перевооружение Германии будет бесконтрольно происходить в его настоящих темпах, то это усилит обеспокоенность соседей Германии и, следовательно, поставит мир под угрозу. Более того, дух, в котором происходит организация народа Германии, особенно ее молодежи, дает основания для беспокойства, которое бесспорно возникает.

Национал-социалистская пресса была возмущена. Визит отложили, потому что Гитлер простудился. Наше министерство иностранных дел подтвердило, правильно или нет, что это и в самом деле было правдой, а не дипломатической ложью.

Теперь события следовали одно за другим. 6 марта Франция ввела двухгодичную службу в армии. 7 марта было продлено франко-бельгийское военное соглашение. 16 марта Гитлер ответил призывом на военную службу в Германии. Военное равенство, предоставленное Германии в декабре 1932 года по соглашению, достигнутому в результате переговоров «о системе безопасности для всех наций», стало актуальным фактом в результате одностороннего решения, принятого рейхом вне рамок какой-либо системы безопасности. Мои друзья по министерству иностранных дел отмечали, что путем переговоров этого можно было бы достичь более быстро и гладко, как в случае эвакуации из Рура и репараций. В свете моего опыта переговоров, проводившихся Штресманом и Брюнингом, я соглашался, что метод, которому следовали эти двое государственных деятелей, помог бы достичь цели быстрее, если бы не неблагоприятные последствия развития Германии до и после 1933 года. То, что это обошлось бы дешевле и Германии, и всему миру, известно слишком хорошо.

Не более чем два дня спустя, 18 марта, британское правительство высказало протест: «Правительство Соединенного Королевства Его Величества считает нужным выразить немецкому правительству свой протест против заявления, сделанного последним 16 марта относительно решения о военной службе и увеличения основного контингента немецкой армии в мирное время до 36 дивизий. Вслед за заявлением о немецких военно-воздушных силах такая декларация является еще одним примером односторонних действий, которые, помимо отхода от принципа, рассчитаны на серьезное усиление напряженности в Европе...

Правительство Его Величества хотело бы убедиться, что немецкое правительство все еще желает, чтобы визит состоялся в рамках ранее достигнутых договоренностей».

В то время я работал в бюро переводов министерства иностранных дел, где мы срочно переводили этот документ и последующий поток документов для Гитлера. Последнее предложение о визите Саймона действительно удивило нас, так как мы никак не ожидали, что после этого негодующего протеста англичане будут вежливо спрашивать на том же дыхании, можно ли им приехать в Берлин. «Что касается меня, — пишет в своих мемуарах Франсуа-Понсе, тогдашний посол Франции в Берлине, — я сразу же после 16 марта предложил, что державы должны немедленно отозвать своих послов и в спешном порядке заключить Восточный и Дунайский пакты, образовав таким образом единый фронт защиты против Германии. Англии, разумеется, дали бы знать, что теперь любые переговоры были бы излишними, и сэр Джон Саймон в конце концов отказался бы от своего плана посетить Берлин. Мое предложение сочли слишком решительным и, следовательно, не стали и рассматривать».

Жан Франсуа-Понсе (8 декабря 1928, Париж – 18 июля 2012, Париж) – французский политический деятель консервативного толка, дипломат. Министр иностранных дел Франции в кабинете Раймона Барра при президенте Валери Жискар д’Эстене с 29 ноября 1978 по 22 мая 1981.

Не ранее 21 марта г-н Франсуа-Понсе подал нам протест Франции, который я перевел Гитлеру следующим образом: «Эти решения (призыв на военную службу, 36 дивизий, создание военно-воздушных сил) входят в явное противоречие с обязательствами Германии по договорам, которые она подписала. Они противоречат также заявлению от 11 декабря 1932

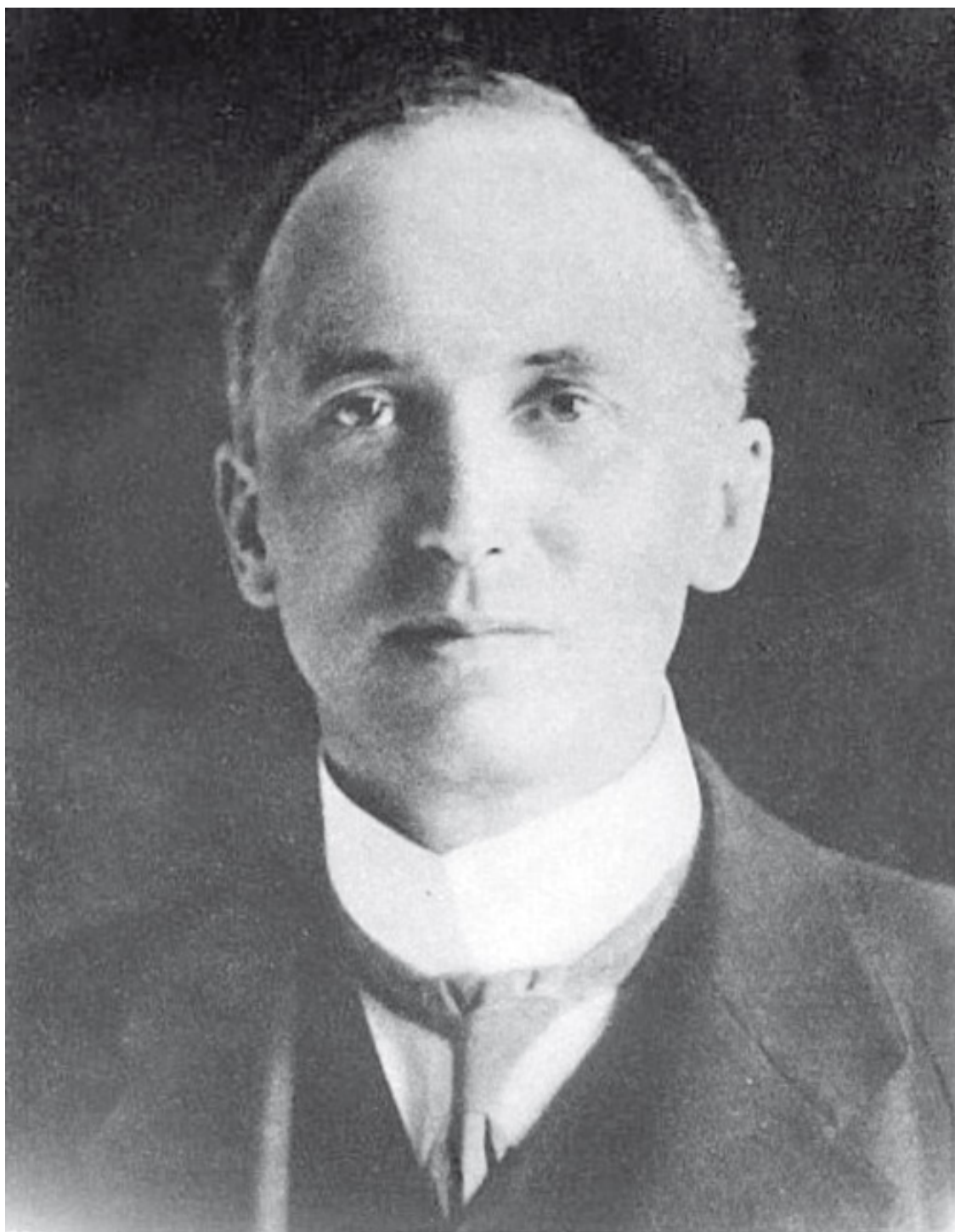
года (равенство прав в системе безопасности)... Правительство Рейха самовольно нарушило основные принципы международного права... Правительство Французской республики считает своим долгом заявить самый настойчивый протест, оставляя за собой все права на действия в будущем».

Полчаса спустя объявились итальянцы, наши будущие союзники. Итальянский посол в ноте, которую мы должны были перевести очень быстро, говорил лишь о сохранении всех прав для будущих действий. В последнем предложении он заявил, что итальянское правительство не может принять *fait accompli*, свершившийся факт, исходя из «одностороннего решения, аннулирующего международные договоренности». Простое сравнение текстов этих трех нот показало мне, что изоляция Германии начинает ослабевать. В едином фронте явно появились трещины. С этой мыслью я и сидел два дня спустя в качестве переводчика между Гитлером и Саймоном в рейхсканцелярии.

Гитлер довольно приветливо принял меня и Нейрата утром 25 марта в своем кабинете в пристройке, которую закончили при Брюнинге. В тот раз я впервые увидел Гитлера – я никогда не присутствовал на его публичных выступлениях. Я с удивлением обнаружил, что он был всего лишь среднего роста – на фотографиях и в кинохронике он всегда казался высоким.

Появились сэр Джон Саймон и Энтони Иден. Все обменялись дружескими улыбками и рукопожатиями, несмотря на совсем недавние протесты и предостережения, что «односторонние действия серьезно усилили обеспокоенность за границей». Улыбка Гитлера была особенно дружелюбной по той простой причине, что присутствие английских гостей было триумфом для него. «Я считаю, что национал-социализм спас Германию, а значит, быть может, и всю Европу, от самой ужасной катастрофы всех времен... Мы испытали большевизм на себе в нашей собственной стране... Мы защищены от большевиков, только если имеем вооружение, которое они принимают во внимание».

Временами он говорил с пылом, но никогда не выходил за пределы того, что я слышал раньше в самые эмоциональные моменты других международных встреч.

Джон Олсбрук Саймон (28 февраля 1873, Манчестер – 11 января 1954, Лондон) – английский государственный деятель

Его фразеология была самой обычной. Он выражался четко и прямолинейно, был явно очень уверен в своих аргументах, его легко можно было понять и нетрудно переводить на английский язык. Казалось, все, что он хотел сказать, очень ясно складывалось в его мозгу. На столе перед ним лежал чистый блокнот для записей, который остался неиспользованным на протяжении всех переговоров. Он не делал там записей. Я пристально наблюдал за ним, когда время от времени он делал паузу, задумываясь о том, что сказать дальше, поэтому у меня была возможность поднять глаза от моего блокнота. У него были светло-голубые глаза, пронзительно смотревшие на того, с кем он говорил. В ходе переговоров он все чаще обращался со своими

замечаниями ко мне. Я часто замечал, при переводе, эту склонность говорящего инстинктивно обращаться к человеку, который понимает, что тот говорит. В случае с Гитлером я чувствовал, что хоть он и смотрит на меня, но меня не видит. Он был погружен в свои собственные мысли и не обращал внимания на окружающее. Когда он говорил об особенно важных вопросах, лицо его становилось очень выразительным; ноздри трепетали, когда он рассказывал об опасностях большевизма для Европы. Он подчеркивал свои слова резкими, энергичными жестами правой руки, иногда сжимая кулак.

Разумеется, он не был яростным демагогом, которого я почти ожидал увидеть. В то утро и на протяжении всех тех переговоров с англичанами он произвел на меня впечатление человека, выдвигающего свои аргументы умно и умело, с соблюдением всех условностей таких политических дискуссий, хотя в течение многих лет ничем подобным он не занимался. Единственной необычной особенностью в нем была продолжительность его речи. Во время всего утреннего заседания говорил практически он один, Саймон и Иден лишь время от времени вставляли замечание или задавали вопрос. Иногда Гитлер, казалось, замечал, что их интерес ослабевал, они, конечно, не понимали многого из того, о чем он говорил. Тогда он обычно, с интервалами в пятнадцать-двадцать минут, давал мне знак переводить.

Слушая Гитлера, Саймон смотрел на него своими большими карими глазами не без симпатии и интереса. Лицо его выражало некоторую отеческую благожелательность. Я заметил это еще в Женеве, когда слушал, как он излагает взгляды своей страны своим хорошо модулированным голосом со всей ясностью английского юриста, хотя, может быть, со слишком большим упором на чисто формальные аспекты. Наблюдая теперь, как он внимательно слушает Гитлера, я почувствовал, что его выражение отеческого понимания углублялось. Вероятно, он был приятно удивлен, обнаружив вместо дикого наци человека эмоционального и экспрессивного, но не безрассудного или злобного. В последующие годы, когда зарубежные посетители говорили мне почти с энтузиазмом о впечатлении, которое произвел на них Гитлер, я часто подозревал, что этот эффект был вызван реакцией на несколько грубую антигитлеровскую пропаганду.

С другой стороны, я случайно отметил гораздо более скептическое выражение, промелькнувшее на лице Идена, который понимал немецкий язык достаточно хорошо, чтобы иметь возможность более или менее следить за речью Гитлера. Некоторые вопросы и замечания Идена свидетельствовали о том, что у него были большие сомнения насчет Гитлера и его высказываний. «В настоящее время нет никаких признаков, – заметил он однажды, – что русские имеют какие-либо агрессивные планы против Германии». И спросил немного саркастическим тоном: «На чем же в действительности основываются ваши опасения?»

«У меня больше опыта в этих делах, чем у Англии, – парировал Гитлер и добавил, вскинув подбородок: – Я начал свою политическую карьеру, как раз когда большевики начинали свою первую атаку на Германию». Потом он снова продолжил монолог о большевиках в общем и в частности, который вместе с переводом длился до обеда.

Эта первая встреча, продолжавшаяся с 10.15 до двух часов, прошла в очень приятной обстановке. Таково было, по крайней мере, впечатление Гитлера. «Мы установили хороший контакт друг с другом», – сказал он одному из приближенных, покидая свой кабинет. Повернувшись ко мне и пожимая мне руку, он добавил: «Вы великолепно справились со своей работой. Я не имел понятия, что можно так переводить. До сих пор мне всегда приходилось останавливаться после каждого предложения, чтобы его перевели».

Энтони Иден, 1-й граф Эйвон (12 июня 1897 – 14 января 1977) – британский государственный деятель, член консервативной партии Великобритании

«Вы сегодня были в хорошей форме», – сказал Иден, когда я встретился с ним в холле; мы знали друг друга по многим трудным совещаниям в Женеве.

Англичане пообедили с Нейратом, после чего переговоры возобновились. Присутствовавшие с немецкой стороны Нейрат и Риббентроп хранили молчание. Саймон открыл заседание, выдвинув в очень мягкой и дружелюбной манере оговорки Великобритании относительно одностороннего денонсирования Версальского договора Германией, тогда как Иден вернулся

к немецким опасениям насчет агрессивных намерений России. «Здесь большую службу мог бы сослужить Восточный пакт», – заявил он, указывая тем самым на тему первой части послеобеденного заседания. Он вкратце обрисовал суть такого договора. Германия, Польша, Советская Россия, Чехословакия, Финляндия, Эстония, Латвия и Литва рассматривались бы как подписавшиеся. Государства, подписавшие договор, должны были взять на себя обязательство о взаимопомощи в случае, если один из участников нападет на другого. При упоминании о Литве Гитлер впервые показал свой гнев. «У нас не будет никаких дел с Литвой!» – воскликнул он со сверкающими глазами, становясь вдруг как будто другим человеком. В дальнейшем мне часто приходилось видеть такие неожиданные вспышки. Почти без перехода он внезапно впадал в бешенство; голос его становился хриплым, с пылающим взором он раскатисто произносил свои «р» и сжимал кулаки. «Ни при каких обстоятельствах не станем мы заключать пакт с государством, которое притесняет немецкое меньшинство в Мемеле!» – вскричал он. Затем буря утихла так же внезапно, как разразилась, и Гитлер снова был спокойным, безупречным участником переговоров, как и до литовского вопля. Его возбуждение объяснялось тем фактом, что в течение нескольких месяцев 126 граждан Мемеля находились под следствием в военном суде Ковно по обвинению в заговоре и слушание дела подходило к концу.

Говоря более спокойно, Гитлер отказался от Восточного пакта по другим и более весомым причинам. «Вопрос о любых объединениях между национал-социализмом и большевизмом, – с жаром заявил он, – совершенно не подлежит обсуждению». Он добавил с почти страстным пылом: «Сотни моих товарищей по партии были убиты большевиками. Немецкие солдаты и гражданские лица вступили в борьбу против наступления большевиков. Между большевиками и нами всегда будут эти смерти, которые не допустят никакого соучастия в пакте или в другом соглашении». Кроме того, было и третье возражение против объединения в Восточный пакт – оправдывающее Германию недоверие ко всем коллективным соглашениям; «Они не предотвращают войну, но поощряют ее и способствуют ее распространению». Двусторонние договоры были предпочтительны, и Германия готовилась заключить такой пакт о ненападении со своими соседями. «За исключением Литвы, разумеется, – с силой сказал он, но добавил уже спокойнее: – Пока мемельский вопрос остается нерешенным».

Иден вставил еще слово о Восточном пакте, спросив, нельзя ли сочетать его с системой двусторонних пактов о ненападении или соглашений о взаимопомощи. Но Гитлер отклонил и это предложение, сказав, что нельзя иметь две разные группы членов в рамках общего соглашения. Он был совершенно не расположен к идее взаимопомощи. Существенно, что вместо этого он предлагал отдельным странам, граничащим между собой, договориться не помогать агрессору. «Это локализовало бы войны, не превращая их в более масштабные». Высказался он вполне логично – но это была логика человека, намеренного разделаться со своими оппонентами по одному и желающего избежать того, чтобы кто-то встал у него на пути. В то время мотив, скрывавшийся за его аргументами, не был очевиден, лишь позднее он проявился в его действиях.

С помощью нескольких ловко заданных вопросов Саймон перешел от Восточного к Дунайскому пакту, который должен был быть направлен против вмешательства во внутренние дела государств, расположенных по Дунаю. В основе этого предложения лежала французская схема, целью которой было предотвращение «аншлюса» Австрии и создание преграды в виде договоров против расширения влияния рейха на Балканах. В нашем министерстве иностранных дел мне говорили, что Гитлер особенно противился этой идее по очевидным причинам, и я, следовательно, ожидал, что он скажет англичанам категорическое «нет». Но, к моему удивлению, он так не сделал. «В принципе Германия не возражает против такого пакта», – услышал я, как он заговорил с кажущимся согласием. Однако я наострил уши при слове «в принципе». В Женеве, когда какой-нибудь делегат соглашался «в принципе», было ясно, что он воспротивится предложению на практике. Пользовался ли Гитлер этим старым междуна-

родным методом? Буквально следующие его слова подтвердили мою догадку, когда он заметил, почти мимоходом: «Но нужно было бы совершенно четко определить, как так называемое невмешательство в дела дунайских государств должно быть определено наиболее точным образом». Саймон и Иден обменялись быстрыми взглядами, когда я перевел эти слова, и я вдруг почувствовал себя так, будто снова нахожусь в Женеве.

В тот день англичане подняли также вопрос о Лиге Наций. «Окончательное решение европейских проблем, – спокойно, но с нажимом сказал Саймон, – немыслимо, пока Германия не станет снова членом Лиги Наций. Без возвращения рейха в Женеву не может быть восстановлено необходимое доверие между народами Европы». По этому вопросу Гитлер отнюдь не оказался таким непреклонным, как я ожидал. На самом деле он заявил, что возвращение Германии в Лигу было бы вполне в пределах возможного. Идеалы Женевы в высшей степени достойны похвалы, но то, как до сих пор они претворялись в дело, дало повод для слишком многих оправданных жалоб Германии. Рейх хотел бы вернуться в Женеву только как во всех отношениях полноправный участник, а это было невозможно до тех пор, пока Версальский договор содержал статью об учреждении Лиги Наций. «Кроме того, нам следовало бы предоставить долю в системе колониальных мандатов, если мы действительно должны рассматривать себя как равноправную державу», – быстро добавил он, но сразу же уклонился от любых дальнейших обсуждений колониального вопроса, заметив, что в настоящее время Германия не собирается выдвигать никаких колониальных требований.

Эта беседа продолжалась до семи часов вечера, половину времени занял, разумеется, мой перевод, и Гитлер, по своему желанию, постоянно повторялся в вопросах, в которых чувствовал себя уверенно. Более того, из-за отсутствия обоих председателей и повестки дня дискуссия имела тенденцию к расплывчатости. В целом, однако, она проходила лучше, чем я ожидал вначале, хотя после сердечной атмосферы утреннего заседания я почувствовал, что англичане немного остыли, без сомнения, ввиду того факта, что, несмотря на свое показное дружелюбие и искусное обращение к женевским формулировкам, Гитлер на самом деле ответил «нет» по всем пунктам.

Фон Нейрат дал ужин в честь британских официальных лиц, на котором присутствовало около восьмидесяти гостей, включая Гитлера, всех рейхсминистров, многих государственных секретарей, ведущих представителей нацистской партии, сэра Эрика Фиппса, посла Великобритании, и ответственных сотрудников его посольства.

Я сидел рядом с Гитлером, но вынужден был все время говорить, тогда как самые лакомые блюда уносили нетронутыми, и в результате я встал из-за стола голодным. Тогда я еще не овладел приемами, позволяющими одновременно есть и работать: когда мой клиент прекращал есть, чтобы дать мне свой текст, я должен был бы есть, а затем переводить, пока он ест. Такая процедура была признана *chefs de protocole*, начальниками протокола, изобретательным решением для переводчиков на банкетах.

Утро следующего дня было посвящено подробному обсуждению немецкого перевооружения. Вначале между Саймоном и Гитлером возникло некоторое напряжение, так как Саймон снова принялся излагать руководящие принципы британской позиции, особенно подчеркивая, что разговор об уровне перевооружения Германии не предполагает отхода Британии от своей первоначальной позиции. Он четко придерживался мнения, что договоры можно менять только путем взаимного согласия, а не односторонним денонсированием.

Гитлер ответил своим хорошо известным тезисом, что не Германия, а другие державы первыми нарушили условия Версальского договора о разоружении, так как им не удалось выполнить ясно выраженное обязательство разоружиться самим. Он добавил со смешком: «Не задал ли Веллингтон, когда Блюхер пришел ему на помощь, первым делом вопрос своим юристам из британского министерства иностранных дел, соответствует ли мощь прусских военных сил существующим договорам?»

Обе стороны выдвинули свои аргументы без какой-либо резкости, англичане явно старались избежать любых неприятных столкновений по этому основополагающему вопросу. Таким было мое впечатление об очень осторожной, почти просительной манере, в которой Саймон выражал британскую сдержанность; Гитлер также придерживался чрезвычайно умеренного тона по сравнению с тоном его публичных заявлений о разоружении, хотя высказывался он достаточно ясно. «Мы не позволим посягнуть на воинскую повинность, – заявил он, – но мы готовы вести переговоры относительно мощи вооруженных сил. Наше единственное условие – равенство на суше и в воздухе с нашим наиболее сильно вооруженным соседом».

Когда Саймон спросил его, в каком объеме он оценивает требования Германии по вооружению, Гитлер ответил: «Мы могли бы удовлетвориться 36 дивизиями, то есть армией в 500 000 человек». Но в дополнение с одной дивизией СС и военной полицией это удовлетворило бы все его требования. Этот пункт был несколько спутан тем фактом, что Гитлер, называя СС, почти сразу же принялся отрицать, что партийные организации в целом имеют какое-либо военное значение, как сделал это до него Гейдрих в Женеве. Само собой разумеется, вспомнив женевскую дискуссию по этому вопросу, в которой он принимал участие как делегат от Британии, Иден выразил сомнение, можно ли рассматривать партийные организации как не имеющие военного значения, и сказал, что по крайней мере их следует считать резервами.

Желая избежать продолжительных дебатов по этому очень противоречивому пункту, Саймон сразу же перевел разговор на вопрос, больше всего интересовавший англичан в то время, – вопрос о германских военно-воздушных силах. «По вашему мнению, господин рейхсканцлер, – спросил он, – какой должна быть мощь германских военно-воздушных сил?» Гитлер уклонился от конкретного заявления. «Нам нужно равенство с Великобританией и Францией, – сказал он, сразу же добавив: – Разумеется, если бы Советский Союз увеличил свои военно-воздушные силы, Германия соответственно нарастила бы свой военно-воздушный флот».

Саймон хотел получить больше информации: «Могу я спросить, насколько велика мощь Германии в воздухе в настоящее время?» Гитлер колебался, а потом сказал: «Мы уже достигли равенства с Великобританией». Саймон воздержался от комментариев. Некоторое время никто ничего не говорил. Я подумал, что оба англичанина, судя по их виду, относятся с удивлением, а также со скептицизмом к заявлению Гитлера. Это впечатление впоследствии подтвердил лорд Лондондерри, британский министр военно-воздушных сил, при разговорах которого с Герингом я почти всегда присутствовал в качестве переводчика. Тема немецкой мощи в воздухе в 1935 году возникала постоянно, так же как и вопрос, не допустил ли все же Гитлер преувеличения в своем заявлении по этому поводу.

Гитлер и Саймон также вкратце обсудили заключение пакта о военно-воздушных силах между державами в Локарно. По такому соглашению подписавшиеся под Локарнским договором немедленно оказали бы взаимную помощь своими воздушными силами в случае нападения. «Я готов присоединиться к такому пакту, – сказал Гитлер, подтверждая ранее данное согласие. – Но, конечно, я могу так поступить, только если Германия сама будет располагать необходимыми воздушными силами».

Сам Гитлер поднял вопрос о германских военно-морских силах на уровне, равном 35% британского флота. Англичане не сказали, как относятся к этому предложению, но так как они не выдвинули возражений, вполне можно было предположить, что в глубине души они с этим согласны.

В полдень был прием в посольстве Великобритании, и Гитлер здесь появился; впервые его увидели в иностранном посольстве. Присутствовали Геринг и другие члены правительства.

Сразу после этого переговоры возобновились в рейхсканцелярии, но при обсуждении основных тем новых вопросов не возникло. Гитлер занял много времени со своей любимой темой о Советской России. Он особенно негодовал по поводу советских попыток продвинуться

на Запад и в этой связи назвал Чехословакию «стенобитным орудием России». Второй навязчивой идеей Гитлера было равенство прав Германии. Рейх, разумеется, должен иметь все классы вооружения, которыми обладают другие страны, но готов сотрудничать в соглашениях относительно наступательного оружия, определенного в Женеве как запрещенное. Подобным образом Германия согласилась бы на контроль над вооружениями, но, разумеется, только на основе равенства прав и при условии, что все остальные страны, которых это касается, одновременно будут подвергаться такому контролю.

Саймон и Иден терпеливо все это выслушивали со всеми многочисленными повторениями. Я часто мысленно возвращался к переговорам о разоружении в Женеве. Всего лишь два года тому назад небеса разверзлись бы, если бы представители Германии выдвинули такие требования, какие предъявлял теперь Гитлер, причем так, как будто не было ничего естественнее на свете. Я не мог не задаваться вопросом, не пошел ли Гитлер дальше допустимого со своим методом «свершившегося факта», *fait accompli*, пренебрегая возможностью использовать метод переговоров. Я был особенно склонен так думать, наблюдая, как внимательно слушали его Саймон и Иден.

Эти знаменательные дни завершились вечерним приемом, который дал Гитлер для избранных лиц в старой канцелярии Брюнинга, меблированной в спокойной манере и со вкусом. Сам хозяин был ненавязчив, временами почти робок, хотя и не проявлял неловкости. Днем на нем был коричневый мундир с красной повязкой со свастикой. Теперь он надел фрак, в котором никогда не выглядел непринужденно. Лишь в очень редких случаях я видел его разодетым так «плутократически», и при этом создавалось впечатление, что он взял фрак напрокат специально для этого случая. В тот вечер, несмотря на непривычный костюм, Гитлер был очаровательным хозяином, лавируя между своими гостями так легко, как будто он вырос в атмосфере особняка. Во время концертных номеров у меня было предостаточно возможностей наблюдать за англичанами. Дружеский интерес Саймона к Гитлеру поразил меня еще больше, чем при переговорах; его взгляд часто с симпатией останавливался на Гитлере, затем он смотрел на картины, мебель, цветы. Казалось, он чувствовал себя счастливым в доме канцлера Германии.

Иден также оглядывал окружающую обстановку с нескрываемым интересом и не без симпатии, но выражение его лица свидетельствовало о трезвых, острых наблюдениях над людьми и обстановкой. Его скептицизм был явно замечен, за исключением музыкальных выступлений, за которыми он следил с восхищением неисклюшенного любителя.

Кроме Гитлера, из присутствовавших немцев лишь Нейрат вел себя естественно и без стеснения. Все остальные, особенно Риббентроп, были рассеянными и бесцветными, как вспомогательные фигуры, обозначенные художником на заднем фоне исторической картины.

К одиннадцати часам того же вечера Иден отъехал в Варшаву и Москву. В окружении Гитлера этот визит к Сталину вызвал большое замешательство, и один старый национал-социалист в рейхсканцелярии сказал мне: «Крайне нетактично со стороны Идена направляться к советскому руководителю сразу же после визита к фюреру». Немного позже Саймон вернулся в отель «Адлон» и на следующее утро улетел в Лондон.

Так как наутро я уехал на торговые переговоры в Рим, то ничего больше не узнал о непосредственном впечатлении, которое англичане произвели на Гитлера. Гитлер очень одобрительно говорил о Саймоне в коротких перерывах во время переговоров, и я слышал, как он сказал Риббентропу: «У меня складывается впечатление, что я хорошо поладил бы с ним, если бы мы вели серьезный разговор с англичанами». Его мнение об Идене было более сдержанным, в основном из-за вопросов, которые Иден задавал во время переговоров, стараясь добиться от Гитлера ответа на отдельные вопросы. Гитлер не любил конкретных вопросов, особенно на переговорах с иностранными политиками, как я часто имел случай замечать, когда работал с ним. Он предпочитал общие рассуждения на общие темы, исторические перспективы и фило-

софские умозаключения, избегая каких-либо конкретных деталей, которые могли бы слишком явно открыть его истинные намерения.

Мой портативный приемник, неразлучный спутник в моих поездках, сообщил мне, что Саймон заявил в палате общин о значительных разногласиях, выявленных во время берлинских переговоров.

* * *

11 апреля в Стресе на озере Маджоре состоялась конференция. В числе участников были британский и французский премьер-министры, Рамсей Макдональд и Лаваль, их министры иностранных дел, сэр Джон Саймон, Флэндин и Муссолини. В окончательной резолюции Великобритания, Франция и Италия заявили, что согласны «противостоять всеми соответствующими средствами любому одностороннему нарушению договоров». Это был ясный ответ трех великих держав Западной Европы на повторное допущение Гитлером возможности суверенитета германских вооруженных сил. Эта декларация на самом деле показалась бы нам гораздо менее угрожающей, если бы мы знали, как нам известно теперь из мемуаров Черчилля, что в самом начале переговоров британский министр иностранных дел подчеркнул, что он не расположен рассматривать применение санкций к нарушителю договоров. В то время у нас лишь оптимисты предполагали, будто общий фронт против нас был таким шатким.

Несколько дней спустя, 17 апреля, последовал второй удар. Действия Германии подверглись осуждению со стороны Совета Лиги Наций. Своими «произвольными действиями» она «нарушила Версальский договор и создала угрозу безопасности Европы».

Третьим ударом был союз, 2 мая заключенный Лавалем с Советским Союзом. Когда я вернулся в Берлин, то обнаружил, что все в министерстве иностранных дел очень расстроены. Казалось, Германия полностью изолирована. В ответ на методы Гитлера в международной политике образовалась антигерманская коалиция всех великих европейских держав, включая Советский Союз. Однако я вскоре узнал в Польше и в Лондоне, что эта коалиция была не слишком прочной.

К моему удивлению, я получил указания отправиться с Герингом в Варшаву и Краков на похороны маршала Пилсудского, так как была возможность, что представится случай провести политические переговоры с Лавалем. Так вечером 16 мая я отъехал со станции Фридрихштрассе с Герингом и немногочисленной делегацией в его салон-вагоне. В то время будущий рейхсмаршал не путешествовал специальным поездом, а довольствовался тем, что его вагон прицепляли к обычному поезду. Только я удобно устроился в моем купе, чтобы послушать новости по моему портативному приемнику, как на пороге неожиданно появился Геринг. Я чрезвычайно удивился, когда он сказал: «Я должен извиниться перед вами за то, что вас разместили в этом тесном купе, обычно я более гостеприимный хозяин, но мои люди проявили небрежность. Виновный за это поплатится».

Я ответил, что не имею никаких жалоб относительно моего размещения и, разумеется, великолепно выплусь. Но он со смешком указал, что меня поместили в кухонный отсек его вагона, искусно скрытый за задвигающейся панелью.

Фон Мольтке, посол Германии, рано утром встретил на вокзале и отвез нас в посольство, откуда мы поехали прямо на похоронную службу в Варшавский собор.

Собор с большим вкусом украсили польскими флагами. На окнах был креп, поэтому это большое строение казалось мрачным и плохо освещенным. Прожектор сверху освещал гроб польского национального героя, на котором лежал меч маршала и его знаменитая каска легионера. В полумраке можно было разглядеть много блестящих мундиров; я заметил маршала Петена в полной парадной форме, сидевшего в первом ряду рядом с Лавалем, который только что вернулся из Москвы. Сразу позади него находился контингент британских офицеров, а

затем стояла немецкая делегация с Герингом в мундире генерала военно-воздушных сил. Я отметил также присутствие советских представителей, униформа которых была самой простой в этом блестящем собрании.

Церемония продолжалась почти два часа, и я мысленно вернулся в Женеву, где познакомился с маршалом задолго до того, как в Совете Лиги возник спор между Польшей и Литвой. «Я приехал сюда, чтобы услышать здесь слово мира, – сказал он. – Все остальное чепуха, разбираться с которой я предоставляю моему министру иностранных дел».

Ганс-Адольф Гельмут Людвиг Эрдманн Вальдемар фон Мольтке (29 ноября 1884, Оппелън, Германская империя – 22 марта 1943, Мадрид, Испания) – немецкий дипломат

После заупокойной службы гроб Пилсудского был установлен на лафет и провезен через всю Варшаву на Мокотовский плац. Похоронная процессия была очень впечатляющей, и потребовалось четыре часа, чтобы пройти по улицам польской столицы. Стоял месяц май, и было уже очень тепло, почти жарко, поэтому медленное продвижение с процессией и продолжитель-

ное стояние на мемориальном параде оказалось чрезвычайно суровым испытанием для гостей, не привыкших к таким церемониям. Тяжелые шаги Геринга раздавались за моей спиной, но он терпеливо вынес все до конца, тогда как престарелый маршал Петен через некоторое время сел в карету. Огромные толпы стояли по обе стороны улиц, по которым проходила процессия.

На следующее утро состоялась еще одна трехчасовая процессия в Кракове, завершившаяся окончательным опусканием гроба в могилу, подготовленную в Вавельском замке. Министр иностранных дел Бек дал завтрак для иностранных делегаций в «Отель де Франс», на котором я помогал Герингу в нескольких коротких беседах с Петеном, англичанами и Лавалем. Лаваль и Геринг договорились о продолжительном разговоре во второй половине дня.

Похороны маршала Пилсудского

Было очевидно, что не только Геринг желал этого разговора, но и Лаваль также с радостью воспользовался возможностью поговорить с нами. Беседа, продолжавшаяся более двух часов, была сокращенным вариантом разговоров между Гитлером и Саймоном. Поднимались точно такие же темы, и поэтому разница между англичанами и французами была наиболее очевидной.

Геринг, крупный и массивный, мало придерживался обдуманной тактики Гитлера. Он отличался прямолинейностью, не вдаваясь в дипломатические тонкости. «Я полагаю, вы поледили в Москве с большевиками, мсье Лаваль», – сказал он, касаясь наиболее деликатной темы франко-российского пакта о взаимной помощи. «Мы в Германии знаем большевиков лучше, чем вы во Франции, – продолжал он. – Мы знаем, что ни при каких обстоятельствах нельзя иметь с ними никакого дела, если хотите избежать неприятностей. Вы столкнетесь с этим во Франции. Увидите, какие трудности создадут вам ваши парижские коммунисты». Последовала тирада против русских, в которой он использовал те же слова, которые использовал Гитлер в разговоре с Саймоном. Это был мой первый опыт того, что потом всегда меня поражало в ведущих деятелях национал-социализма в их разговорах с иностранцами, – повторение почти слово в слово аргументов Гитлера. Как переводчик, я, естественно, должен был обращать самое пристальное внимание на индивидуальные фразы и, следовательно, мог убедиться, насколько

близко приспешники Гитлера следовали за своим хозяином. Иногда казалось, будто проигрывали одну и ту же граммофонную запись, хотя голос и темперамент были разными.

Я заметил это и в других вопросах, затронутых Герингом: разоружение, или скорее перевооружение Германии; двусторонние пакты вместо коллективной безопасности; сдержанность по отношению к Лиге Наций, не исключая возможности повторного вхождения в нее Германии; пакт по воздушным силам и многое другое. За имевшееся короткое время Геринг, конечно, не мог вдаваться в подробности, даже в том объеме, как делал это Гитлер в Берлине. Он не делал этого и в представившихся позднее случаях, придерживаясь даже больше, чем Гитлер, обобщений и отвлеченных идей. Определенность нравилась ему еще меньше, чем Гитлеру. Тем не менее он нуждался в дипломатических изысках. Позднее я наблюдал его в очень деликатных ситуациях, где он проявлял тонкость, которую немецкая публика сочла бы невозможной в этом головорезе-тяжеловесе.

Это умение впервые проявилось в Кракове во время разговора о франко-германских отношениях (разумеется, это была основная тема беседы с Лавалем). Очень убедительными словами Геринг убеждал Лаваль в желании Германии достичь общего урегулирования отношений с Францией. Конкретные детали никогда не упоминались. Он использовал силу своей личности и красноречие, чтобы подавить Лаваль. Беспристрастного человека не могло не убедить то, что Геринг, только что выпустивший пар в адрес русских и Лиги Наций, пользуясь языком человека с улицы, был искренен, когда сказал: «Можете быть уверены, месье Лаваль, что у немецкого народа нет большего желания, чем заключить, наконец, мир после столетней вражды с его французским соседом. Мы уважаем ваших соотечественников как храбрых солдат, мы полны восхищения достижениями французского духа. Давнишнее яблоко раздора в Эльзас-Лотарингии больше не существует. Что же еще мешает нам стать действительно хорошими соседями?»

Эти слова не замедлили произвести должное впечатление на Лаваль, который подчеркнул, как настойчиво он всегда выступал за франко-немецкое сближение, и попросил меня свидетельствовать относительно его усилий в достижении франко-немецкого взаимопонимания на берлинских переговорах с Брюнингом в 1931 году. Я мог подтвердить это с чистой совестью, так как у меня создалось впечатление и во время конференции шести держав в Париже, и в Берлине осенью того же года, что намерения Лавали были искренни и что он чистосердечно прилагал усилия для создания добрососедских отношений между двумя странами. Лаваль не вдавался в подробности относительно формы франко-германского урегулирования, хотя мне казалось, именно это и требовалось. По бесчисленным дискуссиям в Женеве и Париже я знал, как трудно было достичь результатов, когда действительно вдаются в подробности.

Мне было также интересно отметить, что Лаваль, как и Иден в Берлине, старался успокоить нас насчет намерений России. «В Москве я не обнаружил ничего, – сказал он в выражениях, почти идентичных словам лорда-канцлера Великобритании, – что могло бы подтвердить какие-либо враждебные намерения России по отношению к Германии». Он описал Сталина как человека, с которым легко договориться, человека, с которым можно было бы вести переговоры. Риббентроп в подобных выражениях описывал мне Сталина в августе 1939 года, когда я сопровождал его в Москву для заключения сенсационного русско-немецкого пакта незадолго до начала войны. Рузвельт тоже, после своей первой встречи со Сталиным в Ялте, высказывал подобное мнение своему сыну и позднее некоторым своим коллегам. Когда я размышляю о том, что говорили иностранцы, побеседовав с Гитлером и Сталиным, мне почти хочется верить, что диктаторы каким-то образом оказывают особое магическое воздействие на своих слушателей.

Лаваль тоже представил заключение франко-российского союза как необходимость, обусловленную международной политикой Франции. Он всегда был опытным, безупречным французским юристом. В Кракове мои прежние впечатления о Лавале подтвердились. Мне показа-

лось, что он относится к категории «людей доброй воли», *hommes de bonne volonté*, которые стояли за мир по своим убеждениям. В то время я без колебаний поставил бы его на одну доску с Эррио и Брианом.

Основное впечатление от этой беседы, с которым я вернулся в Берлин, состояло в том, что в любое время Германия могла бы, при условии ведения более или менее умной внешней политики, выйти из изоляции, куда загнали ее психологические ошибки Гитлера. Беседа между Герингом и Лавалем показалась мне определенным сдвигом по направлению к выходу из изоляции рейха, наметившейся ранее в апреле на встрече в Стрезе и в мае с заключением франко-советского пакта. В переговорах в Берлине и Кракове я увидел, наконец, явный признак того, что Англия и Франция хотели бы избежать окончательного разрыва с Германией, желая вывести ее из изоляции, вернув рейх в сообщество наций. Геринг, с которым у меня состоялась продолжительная беседа об общем положении по пути в Берлин, разделял это мнение. В отличие от Гитлера он прислушивался к предположениям и аргументам. Он подробно расспрашивал меня о моих прежних впечатлениях о Лавале. Спрашивал об отношениях между Брианом и Штресеманом и внимательно слушал, когда я доказывал, что Штресеман поставил дипломатический рекорд, освободив Рейнскую область от иностранных войск, не имея своей собственной армии. «Если так посмотреть на это, – задумчиво добавил он, – в ваших словах есть доля правды». Но он пренебрежительно относился к нашему министерству иностранных дел и его штату. «Утро они проводят за заточкой карандашей, а послеобеденное время за чаепитиями», – съязвил он.

Сразу же по возвращении в Берлин я получил следующее задание. Хотя 17 апреля Совет Лиги Наций официально осудил Германию, месяц спустя англичане прислали приглашение нарушителю договора по военно-морскому флоту. Риббентроп был назначен «чрезвычайным послом», и Гитлер поручил ему вести эти переговоры. Я должен был ехать с ним в качестве переводчика. Мы прилетели в Лондон в начале июня специальным самолетом. Это был первый из многих перелетов, которые пришлось совершить в европейские столицы на том трехмоторном «юнкерсе». В последующие годы я так часто курсировал между Лондоном и Берлином, что мог бы пролететь на самолете до Лондона без карты.

Ульрих Фридрих Вилли Иоахим фон Риббентроп (30 апреля 1893, Везель – 16 октября 1946, Нюрнберг) – министр иностранных дел Германии (1938—1945), советник Адольфа Гитлера по внешней политике

Переговоры начались в министерстве иностранных дел. Присутствовал Саймон, и Риббентроп скоро выложил свои карты на стол. Германии было нужно право иметь флот, равный 35% мощи британского военно-морского флота. С несколько преувеличенной демонстра-

цией всеилия он заявил: «Если британское правительство не примет немедленно это условие, не стоит и продолжать эти переговоры. Мы настаиваем на немедленном решении». Если бы этому принципу последовали, то можно было бы легко уладить все технические подробности относительно программы строительства кораблей и классов судов.

Должен признаться, такую тактику я не считал разумной. Было очевидно, ввиду того факта, что рейх уже официально осудили за нарушения Версальского договора, что англичане не могли внезапно переменить свою позицию и официально одобрить нарушения условий этого же договора относительно военно-морского флота. В то время я еще не очень хорошо знал Риббентропа и удивлялся, почему с самого начала он так недипломатично выдвинул самый трудный вопрос, рискуя сорвать едва начавшиеся переговоры. Был ли это недостаток опыта международных конференций? Была ли это типичная попытка национал-социалиста любой ценой нарушать условности? Или же он слепо следовал инструкциям, не пользуясь собственным воображением? Потом я понял, что его поведение было поведением терьера из рекламных объявлений о граммофонах «Голос его хозяина». Так же как терьер заворуженно слушает голос, доносящийся из граммофонной трубы, так и Риббентроп впитывал слова Гитлера, а потом повторял их. В этом отношении – и в Германии, и за границей – он производил впечатление глупого человека – впечатление, которое усиливалось его наглостью, тщеславием и крайней подозрительностью. Должен сказать, что на бесчисленных переговорах, на которых я переводил ему, он никогда не испытывал недостатка контраргументов. Он мог достаточно четко формулировать свои мысли, и в голове у него надежно хранились соответствующие факты и подробности, но мне никогда не приходило на ум считать его государственным деятелем или министром иностранных дел. Во время заседаний Нюрнбергского международного трибунала он называл себя политическим секретарем Гитлера по международным делам, что, я думаю, вполне соответствовало его положению. Он находился в крайней зависимости от Гитлера. Если Гитлер был им недоволен, он заболел и укладывался в постель, как истеричная женщина. Он в самом деле был не чем иным, как голосом своего хозяина, и, следовательно, многим из нас казался опасным дураком.

Во время этого визита мое мнение, что Риббентроп сделал ошибку, используя свою тактику «слона в посудной лавке», казалось, подтвердила реакция Саймона. В то время как я переводил слова Риббентропа, Саймон вспыхнул от гнева. Он ответил с некоторой горячностью: «Обычно такие заявления не делают в самом начале переговоров». И резко сделал вывод, сказав: «Я могу, разумеется, не делать никакого заявления по этому вопросу». Затем, холодно поклонившись, он покинул заседание. Я уже подумывал, какой будет погода во время нашего полета обратно в Берлин. Я чувствовал полную уверенность, по своему предыдущему опыту, что даже если переговоры не прекратятся полностью, конференцию отложат на долгое время. Но я ошибался.

Один-два дня от англичан ничего не было слышно, а потом назначили очередное заседание, но не в министерстве иностранных дел, а в Адмиралтействе. Беседа состоялась в историческом Зале заседаний, где, как нам сказали, принимались многие важные решения о британском военно-морском флоте. Это была большая комната с панелями, в центре которой стоял длинный стол с красными кожаными стульями по обе стороны. Мое место переводчика находилось во главе стола, этот стул, который обычно занимал первый лорд Адмиралтейства, был особенно удобным. Если верно, что одежда определяет положение человека, то можно также сказать, что расположение стула определяет положение переводчика. В ходе переговоров по военно-морскому флоту я занимал доминирующее положение между двумя сторонами и благодаря выгодному пункту наблюдения ни разу не терял нить разговора даже в самых трудных технических вопросах, касавшихся типов судов, водоизмещения и так далее.

Слева от меня сидела немецкая делегация, возглавляемая Риббентропом и адмиралом Шустером; справа были сэр Роберт Крэдди, заместитель министра в министерстве иностран-

ных дел, адмирал Литтл и капитан Данквертс. На стене позади британской делегации находился указатель направления ветра, соединенный с флюгером на крыше. «Когда британский военно-морской флот еще состоял из парусных судов, – объяснил нам адмирал Литтл, – направление ветра имело решающее значение для оперативных решений, принимавшихся в этой комнате». Показывая на особую отметку на указателе направления ветра, он со смехом добавил: «Когда ветер дул из этого сектора, французский флот не мог выйти из Бреста – и Ла-Манш был в нашем распоряжении». Времена парусного флота давно прошли, но в этом почитаемом зале указатель ветра все еще перемещался, подчиняясь переменчивым ветрам. Другой достопримечательностью была отметка на стене, которая, как любезно рассказал нам адмирал, обозначала рост Нельсона. Мы удивились, увидев, что герой военно-морского флота Великобритании был таким невысоким человеком.

Несмотря на охлаждение, вызванное столкновением между Риббентропом и Саймоном в начале переговоров, теперь преобладала очень дружеская атмосфера. К моему удивлению, сэр Роберт Крэджи открыл заседание заявлением, что британское правительство готово согласиться на требование Риббентропа. Единственной оговоркой было то, что это будет возможным, только если и по всем остальным вопросам будет достигнуто соглашение. Я едва поверил своим ушам, когда услышал от Крэджи это совершенно неожиданное заявление. Мне пришлось с неохотой признать, что методы Риббентропа, как бы они мне не нравились и как бы их не критиковали, казалось, увенчались успехом. Должно быть, англичане были очень обеспокоены, раз за несколько дней пришли к такому полному соглашению. Впоследствии это заставило меня колебаться в оценках методов Гитлера. Я часто думал об этой сцене, когда позднее мне поручали переводить заявления Гитлера или Риббентропа, полностью противоречащие методам государственных деятелей Германии до 1933 года.

После этого в принципе вскоре было достигнуто и полное согласие. Риббентроп по праву гордился успехом своих переговоров. Его неловкость в общении с англичанами сменилась почти дружескими отношениями, к которым я привык на международных встречах. Комплекс неполноценности, который он пытался преодолеть нарочитой резкостью, теперь исчез, проявляясь лишь в ошибках. Например, к концу переговоров, когда англичане случайно спросили его, как долго продлится это соглашение, он напыжился и с самым торжественным выражением лица произнес только одно слово: «Ewig» (вечно).

Мой коллега Кордт усмехнулся, заметив мое изумление. Высказывание Риббентропа в переводе на английский можно было бы лишь пропеть под аккомпанемент церковного органа. Я задумался, как можно было бы перевести это, избежав комического эффекта. Но вскоре нашел выход. «Это будет постоянное соглашение», – перевел я с облегчением, и эта фраза вошла в текст соглашения.

Когда я вернулся домой, меня часто спрашивали, почему Риббентропу, неплохо говорившему по-английски, приходилось все переводить. Я осторожно поднял этот вопрос в разговоре с ним как раз перед началом переговоров, предположив, что ему следовало бы написать по-английски основные пункты его заметок, если он желает говорить по-английски на переговорах.

«Я вполне мог бы сам вести переговоры на английском языке, – ответил он, – но я хочу полностью сосредоточиться на главном и не отвлекаться на английский синтаксис или фразы».

Чудовищная подозрительность, свойственная Риббентропу, особенно поразила меня на этих переговорах. Во время обсуждения в его номере в «Карлтоне» мы, члены немецкой делегации, должны были толпиться вокруг него в центре комнаты и говорить шепотом, потому что хитрые англичане могли закрепить микрофон в стене, чтобы подслушать наши секреты. Иногда было трудно не разразиться смехом при виде военно-морской делегации, сгрудившейся в центре комнаты, как цыплята, вокруг Риббентропа и шепчущейся о подлодках, эсминцах и тоннах водоизмещения.

После обмена документами по военно-морскому соглашению между новым министром иностранных дел Великобритании сэром Сэмюэлем Хором и Риббентропом мы оставались в Лондоне еще несколько дней, чтобы покончить с техническими подробностями. Риббентроп триумфально вернулся в Германию как «великий государственный деятель». После этого сенсационного успеха Гитлер особо отличал его как искусного дипломата, тогда как весь мир протирает глаза, удивляясь тому, чего добился в Англии германский «специальный посол и специальный уполномоченный по вопросам вооружений». Французы направили англичанам недружелюбную ноту. «Вопрос, который касается всех подписавшихся под Версальским договором, рассматривался как более или менее частное дело между Германией и Великобританией... Франция сохраняет за собой свободу действий в военно-морских вопросах», – сердито написал Лаваль британскому министру иностранных дел. Даже Италия отозвалась критически. Идена послали в Париж успокоить негодующих.

Гитлер, казалось, выигрывает по всем статьям.

* * *

В течение этого года англо-германского «сближения» мне снова довелось работать с Гитлером. 15 июля он принял в Канцелярии делегацию Британского легиона, беседовал почти два часа с майором Фезерстоном-Годли и пятью сопровождавшими его англичанами. Фюрер попросил каждого из них подробно рассказать, на каком участке фронта тот сражался, и поделился с гостями военными воспоминаниями. В отличие от прочих бесед, это могла бы быть типичная встреча старых боевых товарищей. В заключительной краткой речи Гитлера был намек на политику. Выразив свое сердечное удовольствие от этого визита, он подчеркнул особое значение, которое придавал, в интересах мира, сотрудничеству между солдатами, сражавшимися в последнюю войну.

За завтраком, который был дан английским гостям перед приемом, майор Фезерстон-Годли сказал, что англичане лишь один раз сражались против немцев, и, по мнению Британского легиона, это была ошибка – ошибка, которая не должна повториться. Теперь он говорил словами, сходными со словами Гитлера.

Покидая Канцелярию, эти гости, несомненно, находились под впечатлением того, как принял их Гитлер, но теперь я заметил нечто, часто поражавшее меня в последующие годы.

Воздействие Гитлера на посетителей блекло по мере того, как проходило время. В течение следующих нескольких дней я сопровождал эту делегацию, показывал им достопримечательности и заметил, как все более критическим день ото дня становилось их отношение к Германии. То, что они сами видели в национал-социалистской Германии, казалось, подтверждало то, что они слышали о Германии в своей собственной стране, а не то, что так убедительно рассказывали им Гитлер и его коллеги.

В течение последних месяцев 1935 года конфликт между Италией и Лигой Наций, особенно Англией и Францией, постепенно вышел на передний план. Муссолини, который ожидал, что в ответ на его поддержку западных держав против Германии ему предоставят свободу действий в Абиссинии, теперь вдруг столкнулся с непредвиденными трудностями, в значительной степени обусловленными британской политикой в Лиге Наций. Он автоматически отошел от «союза» Стрезы и перешел на сторону Гитлера.

Вместе с тем 1935-й был для Гитлера годом триумфов в области внешней политики. Удачно завершились англо-германские мартовские переговоры, майская встреча Геринга и Лавалья, и было достигнуто июньское соглашение по военно-морскому флоту. Важнее всего, поскольку это касалось большинства немцев, было достижение военного паритета. В результате этих успехов многие совершенно неправильно судили о дипломатических методах Гитлера. В то время невозможно было понять, что своими успехами он был обязан не столько своему соб-

ственному государственному уму, сколько отсутствию решимости и единства среди его оппонентов. И пока события следующего года не подтвердили многократно эту нерешительность великих держав, те, кто пристально следил за событиями, не увидели истинного объяснения никак иначе не объяснимых триумфов германского диктатора.

Глава вторая 1936 г.

Когда в марте 1946 года я давал свидетельские показания перед Нюрнбергским судом и смотрел на длинный ряд обвиняемых справа от меня, мой взгляд невольно скользнул по едва узнаваемому лицу Риббентропа. Мысли мои обратились к другому трибуналу, перед которым почти ровно десять лет тому назад стоял Риббентроп. Этим трибуналом был Совет Лиги Наций, созванный на специальное заседание в Лондон, а Риббентроп как представитель Германии был вызван на него для отчета относительно разрыва Локарнского соглашения 1925 года вследствие ремилитаризации Гитлером Рейнской области.

То была действительно полная противоположность строгой и по-американски деловой обстановке в зале большого суда в Нюрнберге, где голубоватое неоновое освещение создавало атмосферу нереальности, и казалось, будто судьи, публика и обвиняемые выглядят давно умершими. Яркий дневной свет лился в окна Сент-Джеймского дворца, где заседал Совет. На стенах висели шелковые драпировки и впечатляющие старинные портреты. Огромное зеркало над камином создавало вместе с теплыми тонами ковров и портьер еще более дружелюбную обстановку. На камине стояли великолепные старинные часы, которые вместе с залом в целом живо напоминали Зал Часов на Ке Д'Орсэ¹ и полные самых больших надежд дни, когда Штресеман подписал здесь Келлогский пакт²

¹ Синоним названия МИД Франции (по названию набережной в Париже, где находится здание министерства). (Примеч. ред.)

² Имеется в виду пакт Келлога–Бриана, подписанный в 1928 году в Париже и провозгласивший отказ более чем 60-ти государств от войны как орудия национальной политики. (Прим ред.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.